

Когда на следующее утро, т. е. 12 марта, Грозный приказал собрать «бояр своих всех», т. е. всю Боярскую думу, и «почал им говорити, чтобы они целовали крест к сыну его ко князю Дмитрию, а целовали б в Передней избе, понеже государь изнемогаша вельми и ему при себе их приводити к целованию истомно», обстановка усложнилась.

Князь Иван Михайлович Шуйский⁸⁰ сделал формальное возражение: «Им не перед государем целовати не мочно, перед кем им целовати, коли государя тут нет?». Окольничий Федор Григорьевич Адашев,⁸¹ отец временщика, ссылаясь на опыт боярского правления в ранние годы царствования Грозного, высказал мнение, что за Дмитрия, который «еще в пеленицах», будут править его ближайшие родственники Захарьины, а бояре служить им не собираются. Возникло всеобщее волнение: «Мятеж велик и шум и речи многие во всех боярах». «И бысть меж бояр брань велика и крик и шум велик и слова многие бранные», так как ближние думцы и часть бояр, солидарная с ними, начали убеждать нежелающих присягать. Тогда Грозный, указывая, что «я с вами много говорить не могу» из-за болезни, сделал три обращения: первое — к отказывающимся присягать, упрекая их в том, что они забыли прежние свои клятвы: «... а целовали есте мне крест и ниоднова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали»; второе — к присягнувшим: в случае царской смерти «пожалуйте, попомнятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали: не дайте бояром сына моего извести никоторыми обычаи, пробежити с ним в чужую землю, где бог наставит; третье обращение было к Захарьиным, которые, по-видимому, заколебались, слыша столь резкие речи и откровенные угрозы по своему адресу; Грозный сказал: «А вы, Захарьины, чего испужалися, али, чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете. И вы бы за сына за моего и за мать его умерли, а жены моей на поругание бояром не дали».

Вся эта речь обнаруживает ту же тенденцию, которая буквально пронизывает всю вставку под 1553 г.: безусловную преданность наследнику Грозного и воле царя проявляет только часть ближней думы. Во главе верной части стоят боярин князь Владимир Иванович Воротынский и дьяк Иван Михайлович Висковатый. Не случайно оба они изображены на рисунке в Царственной книге.⁸²

Как удачно и точно сформулировал И. И. Смирнов, Висковатый «с самого начала до конца мартовского мятежа не только остается на позициях сторонника царя и его наследника, но выполняет ответственную роль исполнителя и проводника в жизнь всех мероприятий, связанных с утверждением династических прав царевича Дмитрия».⁸³ Это он «воспомянул царю о духовной». Он немедленно присягнул Дмитрию в составе ближней думы. Это его «со крестом» послал Грозный вместе с Воротынским и «иными своими боярами» (из ближней думы) в «переднюю избу», куда

⁸⁰ Выбыл из Боярской думы в 1560 г. (А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 69). По-видимому, «всех бояр» в Думе было, считая и окольничих, в то время около 40, но неизвестно, сколько их 12 марта присутствовало во дворце (там же, стр. 65—66; см. также: А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 412—413).

⁸¹ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 60—61, прим. 230. С. В. Бахрушин (Избранная рада Ивана Грозного, стр. 349—350) хорошо подметил особый характер выступления Ф. Г. Адашева. Это был голос здравого смысла — голос «широких кругов дворянства».

⁸² ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, последняя таблица с текстом под рисунком: «И бояре почали князю Володимеру Андреевичу говорити, чтобы не упрямаивался... А говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов».

⁸³ И. И. Смирнов, стр. 270.